

Оторопелые, изумленные наши герои смотрели на деньги.

Пан Моцарт, трясущимися руками взял одну из банкнот и окинув взглядом четверть вагона, набитую блоками, зашептал:

– Боже мой, какое богатство!..

По самым приблизительным подсчетам, там были даже не десятки, а сотни и сотни миллионов марок.

Так наши голодные герои оказались миллионерами. Изумление сменилось всеобщим весельем, пока пан Моцарт не предложил разделить найденное богатство. Его поддержала Мадлен, к ним присоединился Светозар. “Зачем делить? – недоумевали Крылов и Федя. – Здесь всем на всю жизнь хватит!” Но пан Моцарт настаивал, предлагая выделить старшине Федору Мазепе лишнюю долю как “первооткрывателю”. Проголосовали. Пришлось Крылову и Мазепе согласиться с коллективом. Договориться-то договорились, но до дележа не дошло. Хотелось есть.

И здесь начинаются их веселые мечты о том, что бы было, если бы они стали мультимиллионерами.

Мы видим эти смешные, гротесковые картины, нарисованные их воображением, как могут представить жизнь богачей эти несчастные, чудовищно голодные люди. Мы видим их представление о жизни миллионеров, сотканное из их собственного воображения, почерпнутое из книг и довоенных фильмов.

Невозможно фешенебельный курорт где-то в Швейцарии. Невозможно роскошную виллу, где они живут все пятеро.

Лакированные ботинки, шубы и цилиндры, в которых они расхаживают.

Мадлен все время купается в бассейнах, в голубой воде.

Света тоже купается в бассейнах, и вокруг него плавают сплошь красивые блондинки.

По утрам они просыпаются в роскошных королевских кроватях с алкювами.

Старшина Федя Мазепа и младший лейтенант Ваня Крылов почему-то спят в одной комнате. Федя отказывается надевать лакированные ботинки и требует себе генеральские хромовые сапоги. На руке у него золотые часы, которые время от времени наигрывают веселую музыку.

Но главное это, конечно, ж р а т в а.

В огромном камине пылают дрова. На вертеле жарится баран.

Они все пятеро сидят в огромной столовой, за огромным столом, уставленным всевозможной едой, начиная с разварной картошки, селедки, колбасы, сыров, окороков и так далее, и так далее и заканчивая устрицами.

Лично старшина Федор Мазепа выпивает граненый стакан водки, запивает кружкой пенного пива, глотает устрицу, жутко сморщившись, а потом отхлебывает густого борща и заедает куском тортика, который стоит перед ним в большой коробке. После всего этого он достает из нагрудного кармана пачку “Казбека” и лениво распечатывает ее.

Перед застенчивым младшим лейтенантом Ваней Крыловым на скатерти насыпана горка доведенных шоколадных конфет “Южная ночь” и стоит целая батарея бутылок лимонада.

Света грызет баранью ногу.

Перед Мадлен на тарелках неимоверное количество спаржи, разнообразных сыров и шампанское.

Пан Моцарт курит сигареты и выпивает одну за другой чуть ли не десяток маленьких чашечек кофе.

И так далее, и так далее...

Между тем эшелон приблизился к одной из станций.

Мазепа взялся угостить всех своих спутников, сунул за пазуху пачку денег и устремился на местный базар.

Набрав гору еды, он попытался всучить торговке рейхсмарки.

– Ты бы еще “керенки” принес! Дед вон у меня ими избу оклеил. Катись отсюда с твоими бумажками! Кончилась власть – кончились деньги! – заорала торговка и отобрала у Мазепы мешок с едой.

На последнюю старенькую, оставшуюся у него советскую десятку старшина купил несколько вареных картофелин да пару соленых огурцов.

С этой нехитрой снедью он вернулся к “миллионерам” и рассказал, сколько стоит их богатство.

Пан Моцарт только вздыхал да покачивал головой, видя, как весело озвучивают деньгами его спутники. А они разрывали блоки, рассыпая хрустящие банкноты по полу, швыряли их в открытую дверь товарного вагона.

Но хозяйственный старшина придумал

самое лучшее применение, еще и помимо того, что они со Светозаром употребляли их, когда ходили по нужде.

По ночам было особенно холодно, и Федя Мазепа предложил раскрыть блоки, распечатать пачки и насыпать из денег “стоги”. Так они и сделали. “Стог” из купюр заполнил до потолка почти весь вагон. Впервые за долгое время Мадлен хотала до слез, а пан Моцарт все вздыхал, качал головой и повторял:

– Боже ж мой, какое богатство!

Все они зарылись в “стоги” денег, так как страшно замерзли, особенно Светозар, который остался просто в одной рубашке, потому что свою меховую козью куртку он сразу же отдал Мадлен, хотя она и пыталась сопротивляться. Чего греха таить, конечно же ей нравился этот лихой “экстремист”-черногорец. Она также обращала внимание и на застенчиво влюбленного в нее, краснеющего, как девочка, младшего лейтенанта Ваню Крылова.

Они все лежали в “стоге” из денег, высунув только головы, кроме Феди Мазепы, который туда зарывался, как мышь, вместе с головой, и только его голос глухо доносился откуда-то снизу.

... В вагоне сумерки, холодно. “Стог” денег все-таки плохо греет.

Тихо матерясь, старшина Мазепа вылезает из-под “стога” и начинает делать зарядку. Потом его осеняет свежая мысль. Он отдирает от двери лист железа и, растелив его на полу вагона, разводит костер из банкнот. Греет над костром руки.

Все, обрадовавшись этой находке, вылезают из “стога” денег, рассаживаются вокруг костра.

Горит костер. С треском разрываемые пачки денег подбрасываются в огонь.

Эшелон мчит к фронту...

Внезапно послышались взрывы, автоматная стрельба, и поезд резко затормозил. Какое-то небольшое недобитое подразделение гитлеровцев взорвало путь и завязало бой с поездной охраной.

Ваня Крылов, Федор и Светозар бросились из вагона наружу и вступили в перестрелку с врагом.

Пану Моцарту и Мадлен было приказано не высовываться. Они пропустили приказ мимо ушей, и это едва не стоило им жизни. Немцы заглянули в вагон и обнаружили “стоги” денег, в котором Мадлен и пан Моцарт едва успели спрятаться. Сперва один фашист, потом другой, забыв об опасности, начали набивать карманы деньгами. Пробежавший мимо немецкий офицер застрелил обоих, закрыл дверь вагона, приказал подчиненным отцепить вагон и оттолкнуть его от эшелона. Вагон, нагруженный деньгами, с паном Моцартом и Мадлен покати́лся назад под горку. На его площадках повисли немцы.

Пан Моцарт вылез из кучи денег, прислушался к немецкой речи и страшно перепугался, поняв, чьими пленниками стали они с Мадлен. Осторожно он подкрался к двери и всунул изнутри в петли закрытой двери железную скобу.

Наконец уклон кончился, и вагон остановился. Немецкий офицер отдал солдатам приказ открыть дверь, но, к его удивлению, дверь не поддавалась.

Найденной поблизости деревянной шпалой немцы попытались пробить брешь в стене вагона, предварительно прошив доски очередь из автомата.

Мадлен и пан Моцарт, еще глубже зарывшиеся в кучу рейхсмарок, со страхом слышали свист пуль над их головами, да удары деревянного тарана.

Наконец, немцам удалось пробить дыру. Один из них влез в вагон, распахнул дверь, и перед глазами недобитых гитлеровцев предстало “сказочное” богатство. Фашисты обезумели. Они перестали слушать своего командира и бросились к горе денег. Каждый старался захватить побольше. Завязалась драка. А кроме того, среди бумажек были обнаружены пан Моцарт и Мадлен. Офицер навел на них свой “вальтер”, но мощный удар потряс вагон.

Это наш эшелон, дав задний ход, подошел на выручку пленникам. Немцы кубарем выкатились из вагона, на ходу теряя свои миллионы, и бросились врассыпную. Старшина Мазепа, Ваня Крылов и Светозар добивали их своими очередями.

Потом вагон прицепили к поезду, и путешествие продолжилось.

Спасенный от смерти пан Моцарт воздавал хвалу Богу. Мадлен от счастья и благодарности поцеловала Ваню, Светозара, Мазепу и даже старшину, сопровождавшего эшелон.

– Ну, это уж лишнее, – сконфузясь сказал тот и предложил, указывая на деньги:

– Сжечь их к чертовой матери! Люди из-за них чуть не погибли.

Тысячи, десятки, сотни тысяч рейхсмарок пылают на железном листе, а глядящие на огонь люди думают о своем. Каждый из них почти всерьез думает о том, что бы он стал делать, если бы эти деньги были настоящими, если бы он стал обладателем этих миллионов.

Поезд идет в сторону Германии.

Время от времени он подвергается небольшим случайным налетам. И каждый раз наши герои понимают, что куча денег в их вагоне – все равно, что бочка с порохом. Ведь они подвергаются двойной опасности. Поэтому они жгут рейхсмарки почем зря. А между всеми этими происшествиями каждый из наших героев, сидя над костром из денег, должен поведать нам свою настоящую большую мечту, которую он хотел осуществить, если бы действительно имел столько денег.

...Младший лейтенант Ваня Крылов, мечтавший после войны снова учить своих ребят географии, сказал, что стыдно употреблять деньги на свою личную, роскошную жизнь. Их надо употребить на благородную цель. Будь он миллионер, он бы купил большой океанский пароход, пригласил бы на него множество бедных детишек со всего мира и отправился бы с ними в кругосветное путешествие, чтобы дети не из уроков, а на самом деле увидели, как красива их родная Земля.

...Мадлен мечтает открыть в Париже школу искусств, в которой ее молодые сверстники учились бы пению, музыке, танцам. А вот и она сама выступает в Большом концертном зале, с роскошными волосами, в красивом вечернем платье, поет со сцены, а люди заворуженно слушают ее. (В вагоне она тоже будет иногда напевать для наших героев вместе со Светозаром. Он – свои сербские песенки, она – французские.)

...У старшины Федора Мазепы мечты будут несколько иные. Он увидел свое сожженное дотла село, на месте которого стояли только одни печные трубы, а потом представил, как бы он застроил это село разными красивыми домами. А в центре села возвел бы невиданный клуб с колоннами. А всех девиц своего села нарядил бы в разноцветные крепдешиновые платья. Все девушки танцевали бы перед ним в клубе, а он бы играл для них на баяне разные танцы, и они бы все ласково благодарили его за это. Но потом он подумал о том, что рядом с ним обязательно сидела бы его маленькая, кругленькая Настя и сердито шептала бы ему:

– Перестань плясать зенки!.. А не то я этот твой клуб завтра же спалю. Тебя изведу и сама утоплюсь! Ишь благодетель нашелся! Миллионер! Лучше бы ты все эти платья мне подарил.

...У Светозара были замыслы крайне левого направления. Он страстно мечтал закупить на все деньги оружие, набрать компанию подходящих парней и продолжать уничтожать на земном шаре фашистов в любой точке, где они еще останутся недобитыми. Фашисты вырезали у него на родине всю его семью, и он поклялся, что будет мстить им за это всю жизнь. И не только за свою семью, а за всех, кого несправедливо убивают на этом свете.

...Пан Моцарт, глядя на огонь, грустно качал головой.

– А я бы скупил самые бросовые земли. Боже мой, чтобы только в их недрах не было ни нефти, ни угля, никаких ценных металлов.

– Это зачем же? – удивился старшина Мазепа. – На кой они нужны?

– Чтобы никто, никогда бы не мог позариться на эти земли. Чтобы только были вода, трава и деревья... Я бы устроил на этих землях свое маленькое государство и пригласил бы к себе всех обездоленных этой войной. Я бы разрешил в этом государстве иметь людям все, все, что они захотят, кроме оружия.

– Это как? – снова спросил старшина.

– Все, кроме оружия!.. Потому что оружие – это самое страшное, что есть на земле.

Он посмотрел на автомат, лежащий у ног Светозара, и закрыл лицо ладонями. Он видит цветущие деревья в каком-то парке, над ними мирное ярко-синее небо. Он сам стоит на аллее этого парка, счастливо улыбаясь. И тут на аллею из-за деревьев выбегают дети с самодельными деревянными автоматами и пистолетами и начинают играть в войну.

Поезд шел. Деньги были почти все сожжены. Наши герои въехали на территорию Германии.

Стало теплее.

Но вот поезд опять резко затормозил. Раздались взрывы, завязалась перестрелка. Это был трудный бой. На этот раз Мадлен и пан Моцарт спрятались под брезентом на платформе, везущей военную технику. Немцы атаковали отчаянно, и основным объектом для них был последний прицепной вагон.

Во время одной из атак в вагон ворвался тот самый немецкий офицер, который чуть не убил поляка и француженку. Но вместо миллионов он обнаружил пустой вагон и несколько догоравших на железном листе купюр по тысяче марок каждая. Светозар “снял” его меткой автоматной очередью. Остатки немецких солдат отступили в лес.

В бою Светозар был слегка ранен, а их друг, старшина из охраны поезда, был убит. Друзья похоронили его и пошли дальше, в сторону Берлина, уже пешком.

Перед уходом пан Моцарт снял с ноги разбитый ботинок с продырявленной подошвой и вместо стельки положил в него пачку купюр, одну из немногих, оставшихся в последнем не сожженном ими блоке.

Впереди что-то горело. Они шли день и ночь через поля и леса, мимо разбитых фольварков.

Наконец возле первого небольшого городка они вновь услышали пальбу и приготовились к бою.

Но это оказался салют в честь окончания великой войны.

А потом они очутились в гаштете (небольшом ресторанчике), где предпринимчивый хозяин-немец уже торговал пивом и кое-какой нехитрой снедью.

В гаштет заходили веселые люди, веселые оттого, что кончилась война, люди самых разных национальностей, такие же странники, как и наши герои. Все эти люди угощались пивом, а нашим путешественникам, усталым и голодным, совершенно не на что было купить хотя бы одну кружку на всех.

Они смотрели, не отрываясь, на струю льющагося пива, и вдруг хозяин, все поняв, расщедрился и налил им всем по кружке бесплатно.

Они сидели за деревянным столом, с блаженством потягивали плохонькое пиво. Вдруг пан Моцарт обомлел. Он первым заметил, какими деньгами здесь платят за угощение. Трясущимися руками он сбросил с ноги рваный ботинок и, выхватив из него “стельку” из знакомых нам купюр, бросился к стойке.

Теперь остолбенело глядел на пачку денег хозяин. И больше оттого остолбенело, что масса купюр такого высокого достоинства была вконец испорчена, подмочена, истерта. Он разобрал деньги, разгладил. Еще немало банкнот сохранилось (оказалось, что эти деньги еще долго имели хождение в послевоенной Германии).

Хозяин широко развел руками и сказал, указывая на пиво и на буфет с закусками:

– Это все ваше, господа!

А потом, спустившись куда-то в подвал, вынес еще несколько бутылок шнапса, пару окороков, колбас и прочей закуски, да еще и дал сдачи, теперь уже мелкими купюрами.

И только теперь они поняли, что они сожгли! Они долго не могли вымолвить ни слова. Перед ними на секунду промелькнул их вагон со “стогом” из тысячных купюр, их фантазии, их мечты. Они молчали, и только пан Моцарт, заломив руки, шептал:

– Боже мой, боже мой!

Потом они пили, закусывали и угощали решительно всех, кто только появлялся в гаштете.

А под конец пан Моцарт тщательно разделил сдачу поровну и раздал всем.

Младший лейтенант Ваня Крылов посмотрел на свою долю, вдруг поднялся, взял пустую тарелку и, положив на нее свои купюры, подожг их. За ним поднялись Света, Мадлен, Федор и также бросили свои деньги в костер, горящий на тарелке. А потом поднялся и старый пан Моцарт и, вздохнув и покачав головой, тоже швырнул свои деньги в тарелку, в огонь. Они все вытянули руки над этим огнем, а младший лейтенант Ваня Крылов сказал:

– Мы живы, друзья!.. Это главное!